

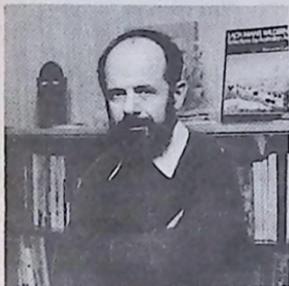
Э ПРИРОДА

1984

У истоков религии

В. Р. Кабо

Владимир Рафаилович Кабо, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Занимается проблемами истории первобытной культуры. Автор монографий: *Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии*. М., 1969; *Тасманийцы и тасманийская проблема*. М., 1975. За эти работы Президиум АН СССР присудил В. Р. Кабо премию им. Н. Н. Миклухо-Маклая за 1978 г. В «Природе» опубликовал статьи: *Природа и первобытное общество: проблемы социальной адаптации* (1979, № 4); *Природа и первобытное сознание* (1981, № 8).

СИМВОЛИКА ПЕРВОБЫТНОГО ОБРЯДА И МИФА

Сохранилась серия фотографий, сделанных в последней четверти прошлого века где-то в юго-восточной Австралии. На снимках — различные эпизоды обряда бора — посвящения мальчиков-аборигенов в группу взрослых мужчин-охотников и знатоков мифологии. На одних фотографиях посвященным показывают прочерченные на земле концентрические четырехугольники, окружности и волнистые линии, на других — проводят над этими же рисунками с закрытыми лицами. На некоторых снимках — символическое закалывание копыями животных, изображенных на поверхности земли среди волнистых линий или лабиринтов. На одной фотографии человек взбирается на дерево, от которого по земле тянутся те же волнистые линии и концентрические четырехугольники. Что все это означает? Только ли религиозный это обряд, или в нем заложено какое-то более широкое содержание? И не напоминает ли это все какие-то иные страницы из истории человечества?

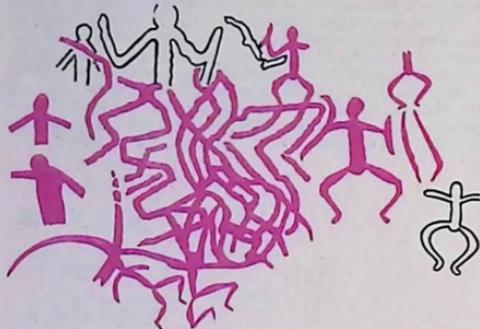
Попытаемся ответить на эти вопросы. Концентрические четырехугольники и длинные волнистые линии, как выяснили исследователи, изображают путь великих героев мифологии в иной мир, в мир мертвых.

Лабиринт — древнейший символ этого мира, его отвлеченная схема. Дерево, стоящее на священной земле бора, — это мировое дерево, ось мироздания, символизирующая его структуру. В основе этой структуры — путь великих героев, связывающий миры земной и небесной (или подземной), куда уходят и откуда возвращаются к новой жизни люди и животные. Дерево, уходящее корнями в землю, а кроной обращенное к небу, — наглядное воплощение этой идеи.

На протяжении тысячелетий в самых различных культурах символика лабиринта имела отношение к смерти и возрождению. Знаменитый лабиринт на острове Крит был частично подземным дворцом, в котором якобы обитал получеловек-полубык Минотавр. Изображение быка стояло и над главным входом в лабиринт. Это был замкнутый в себе мир, как бы прообраз подземного царства мертвых. Бык был верховным божеством и хранителем этого мира. Идея критского лабиринта восходит к очень древнему представлению, к основам европейской культуры. На стенах позднепалеолитических пещер Европы встречаются изображения животных, опутанных сложными лабиринтообразными переплетениями линий. А обряды посвящения, или инициации, — это такие обряды, где посвящаемые символически умирают

и возрождаются к новой жизни обновленными существами. То же представление лежит и в основе продуцирующих обрядов, присущих всем первобытным культурам: здесь к новой жизни возрождаются убитые на охоте животные. Вот почему обряды посвящения и продуцирующие обряды нередко слиты воедино. Ведь те и другие основаны на одной и той же системе идей.

За изобразительной символикой первобытного обряда порою скрывается целый мир отвлеченных понятий, выражающих представления людей о мирозда-

Изображение иницируемых и их странствий в ином мире в одной из австралийских пещер.

нии, об обществе. Концентрические окружности, изображенные на земле людьми одного из австралийских племен, символизировали собою все племя и его миропонимание. «Внутренний круг был самим племенем. Внешние концентрические круги изображали жизненный цикл его членов, от первой инициации в юности до полного посвящения в зрелости. Их охватывал круг старейших, высшего совета племени, средоточие всей его мудрости... Затем шли другие круги, связующие племя в единое целое, окружающие его жизнь, продолжающейся на земле и во вселенной. Один из наружных кругов был солнцем; последний круг, охватывающий собою все, был самим небом и всей вселенной»¹.

ПЕРВОБЫТНАЯ РЕЛИГИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Религиозные верования здесь тесно переплетены с мировоззрением в целом, с предначинными представлениями, с ис-

кусством. Через обрядность, в которую вовлечено все общество, они проникают во все сферы общественной жизни. Такое взаимопереплетение форм общественного сознания, их нерасчлененность, их органическую связь с жизнью общества во всех ее проявлениях можно назвать первобытным идеологическим синкретизмом. Явление это — не умозрительная конструкция, о нем свидетельствует вся первобытная культура. Оно сохраняется в известной мере и на более поздних этапах общественного и культурного развития, когда уже идет все более интенсивный процесс расчленения, кристаллизации отдельных форм общественного сознания. У остальных в недавнем прошлом народов знахарь-колдун нередко был разносторонним специалистом — врачом-лечебником и знатоком целебных трав, предсказателем погоды и прорицателем, кузнецом и рудознатцем. Сухой можжевельниковый сук, который обладает способностью предсказывать погоду и употребляется в качестве примитивного барометра, в некоторых русских деревнях еще недавно называли «колдуном». И теперь еще у отдельных племен жрец является не только служителем культа, но и хранителем положительных знаний, подобно кельтским друидам, которые, согласно Цезарю, были не только жрецами и судьями галлов, но и ученым сословием.

Многообразные грани духовной жизни человечества первоначально были единым монолитом, который заключал в себе различные формы общественного сознания, позднее обретшие самостоятельное бытие, в том числе и религию. В эпоху первобытности границы этих форм едва начали определяться. Поэтому споры о приоритете тех или иных форм общественного сознания в его эволюции являются в значительной степени беспредметными. Это не исключает, разумеется, того, что все эти формы общественного сознания имели самостоятельные гносеологические и социально-исторические корни. Речь идет лишь о самом характере их становления.

Весьма проблематичен и вопрос о том, какие именно формы первобытной религии могли бы претендовать на исторический приоритет. Они тоже «постоянно сплетаются, контаминируются между собой, порождая сложные и промежуточные формы»². Это не означает, однако, что

¹ Idriess I. L. *The Vanished People*. Sydney, 1955, p. 67—68.

² Токарев С. А. *Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи*. — В кн.: *Охотники, собиратели, рыболовы*. М., 1972, с. 264—265.

Аборигены перед обрядом, посвященном событиям мифического прошлого [Австралия].

мы не можем гипотетически, но с известным основанием вычленить некий религиозный комплекс как наиболее архаический и фундаментальный и далее попытаться очертить его основные компоненты.

Уже в эпоху первобытности религия предстает перед нами как вера в реальное бытие сверхъестественных существ и сил, в связь человека с ними и в зависимость его от них, в существование сверхъестественных связей между явлениями, в сверхъестественные свойства материальных и нематериальных предметов и явлений.

Подчеркнем еще раз, что одна из особенностей первобытной религии как исторически определенного этапа в развитии религии заключалась в ее теснейшем взаимодействии с другими сферами общественного сознания. Однако уже материалы по археологии палеолита указывают на первые признаки кристаллизации в синкретическом первобытном сознании собственно религиозных верований. Если древнейшие из этих материалов еще не могут быть признаны в этом отношении бесспорными, то в мустьерскую эпоху появляется все больше фактов, свидетельствующих о становлении религии как самостоятельной сферы общественного сознания.

Эволюция культуры, подобно эволюции в природе, — при всей условности этой

аналогии, ибо законы развития природы и общества различны — в известной мере состоит в дифференциации, расчленении первоначально интегрированных форм, или, по выражению К. А. Тимирязева, «синтетических типов», совмещающих в себе свойства и функции, обособившиеся в ходе эволюции.

Второй вывод, вытекающий из сказанного, заключается в том, что формы первобытного общественного сознания предстают во всей их первобытной специфике, на которую еще не распространяются или распространяются лишь частично понятия и представления, характеризующие те же формы в их развитом виде, на иной стадии социально-исторического развития. Таково требование последовательного историзма. В самом деле, было бы неисторично переносить на первобытную религию или первобытную этику понятия и концепции, характеризующие их в условиях классового общества, хотя это и не значит, что не существует таких «сквозных», ключевых признаков этих форм общественного сознания, которые проходят через все эпохи.

ПЕРВОБИТНАЯ МИФОЛОГИЯ

Наиболее законченным выражением первобытного идеологического синкретизма является мифология. Особое место и значение первобытной мифологии состоит в том, что она отражает общественное сознание в его целостности. Поэтому в известном смысле ее можно рассматривать как самостоятельную его сферу — другие его формы так или иначе находят в ней свое воплощение. Ее не следует отождествлять с религией, хотя с последней она связана теснее всего. Мифология вбирает представления людей об окружающем мире и вселенной, о сущности и происхождении мира и человеческого общества, и в этих представлениях положительные знания причудливо смешаны с верой в сверхъестественное. Мифологические системы предстают порою сокровищницами первобытных знаний, а эти знания составляют фундамент формирующегося научного миропонимания. В мифологии бесписьменного общества зафиксированы необходимые для существования общества сведения. Так, в мифах австралийского племени вик-мункан, между прочим, говорится о том, где можно найти лучшие источники пищи и сырья для орудий, где расположены лучшие места для стоянок и каковы расстоя-

ния между ними, описываются способы охоты и собирательства, изготовления оружия, утвари, лодок и т. п.³ Не переставая быть мифами, они сохраняют в общественном сознании, в памяти людей все эти ценные сведения и факты.

В мифологии сконцентрированы и религиозные представления первобытного общества; она отражает его этические ценности и социальные нормы; она тесно связана с первобытным искусством и сама является одной из древнейших форм словесного творчества⁴. Будучи отражением первобытного мировоззрения, она стоит у истоков философии. Последняя как самостоятельная область знания в первобытном обществе еще не сложилась, но как система теоретического мышления она уже зарождается, и самые первые опыты человеческого ума в сфере теоретического познания и осмысления мира мы находим в мифологии. Проницательные наблюдатели, сталкиваясь с представителями культурно-отсталых, с их точки зрения, обществ, нередко поражались глубине их представлений о мире, о жизни и смерти, о добре и зле. «Разговоры, которые я вел у себя в больнице со стариками-неграми о кардинальных вопросах жизни и смерти, глубоко меня потрясли, — пишет А. Швейцер. — Когда начинаешь говорить с обитателями двустенного леса о вопросах, затрагивающих наше отношение к самим себе, к людям, к миру, к вечности, различие между белыми и цветными, между образованными и необразованными начисто исчезает»⁵.

Можно возразить, что негры Габона, о которых говорит Швейцер, уже не первобытные люди. Но сравнительно сложная система традиционных представлений, в которой угадываются проблески будущей философии и космологии, зафиксирована и у аборигенов Австралии. Мифология — устная энциклопедия первобытного общества, его мировоззрения и духовных ценностей.

Миф — нередко модель поведения для первобытного общества. Но в то же время и общество моделирует поведение героев мифологии. Миф и общество как бы отражают друг друга. «Если собрать

³ Макконнел У. Мифы мункан. М., 1981, с. 18.

⁴ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976; Он же. Первобытные истоки словесного искусства. — В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972.

⁵ Швейцер А. Письма из Ламбарене. Л., 1978, с. 96.

мифы аранда воедино, обнаружится полная и детальная картина повседневных занятий, все еще характерных для аборигенов центральной Австралии. Эти занятия, весь образ жизни аборигенов принесены с собою тотемическими предками, и аборигены слепо следуют традиции, не желая ни изменять, ни улучшать наследие прошлого⁶. И все же развитие продолжается, но оно, как правило, происходит так медленно, что имеет характер естественноисторического процесса. Первобытное общество воспроизводит некий стереотип в масштабе поколения, воспринимающего сложившиеся культурные ценности. В этой приверженности традиции залог устойчивости общества и культуры, но возникает и новое, и в масштабе нескольких поколений мы обнаруживаем социальные и культурные сдвиги — залог социального и культурного прогресса.

Человек первобытного общества не только стремится подражать героям мифологии, он смотрит на себя самого как на живое воплощение мифического предка. Миф, рассказывающий о предке, для аборигена Австралии — рассказ о нем самом, о его собственных деяниях в мифическое Время сновидений, когда герои мифов создавали мир. По его убеждению, он сам принимал в этом участие. И когда люди прекратят живое общение через воспроизведение мифа в обряде, когда они перестанут воспроизводить прошлое, мир, по их мнению, придет к концу. Старик из племени унамбал рассказывает этнографу о своем мифическом предке — источнике жизни Вонджина — такими словами: «Когда я проходил здесь во Время сновидений и оставил свой след на скале...» Он должен теперь приходить к этой скале перед наступлением сезона дождей, чтобы окрашивать изображение Вонджина свежими красками, и он говорит: «Я окрашиваю себя заново, чтобы снова пошел дождь»⁷.

АРХЕОЛОГИЯ О СТАНОВЛЕНИИ РЕЛИГИИ

О первых элементарных проявлениях религии свидетельствует уже археология палеолита. Так, у порога зимнего жилища в гроте Лазаре на юге Франции — древность его достигает 200 тыс. лет —

обнаружен череп волка, из которого был извлечен мозг через отверстие, проделанное в теменной кости. Люди положили его здесь, покидая пещеру с наступлением весны, для охраны жилища до возвращения его обитателей в начале следующей зимы⁸. Съев его мозг, они, вероятно, считали, что и сами приобщились к его силе. Раскопки в гроте Лазаре говорят не только о сравнительно высоком уровне общественной жизни, но и о наличии религиозно-магических представлений. На существование в мустьерскую эпоху культа другого дикого животного — пещерного медведя, возможно, указывают преднамеренные захоронения черепов и других костей этого зверя в пещерах Регурду, Драхенлох, Петерсхелле, Зальцфен и иных местах⁹. Медвежий череп и кости тщательно сложены между стенами пещер и специальными выкладками из камней. Иногда черепа помещены в особые каменные ящики и накрыты каменными плитами.

Если эти и подобные факты свидетельствуют об отражении в первобытном сознании тесной связи между человеческим и природным мирами, о другом аспекте формирующейся религии говорят следы ритуальной антропофагии и обряда погребения в палеолите.

Многие исследователи убеждены в существовании ритуального каннибализма и культа человеческих черепов на очень ранних стадиях развития¹⁰. Недалеко от Рима, на горе Монте-Чирчео, в гроте мустьерского времени был захоронен череп неандертальца, окруженный камнями, открытый подобно чаше: затылочная кость была снята почти полностью, возможно, для извлечения мозга или изготовления фетиша. Вокруг громоздились кости животных — остатки погребального пиршества. Существует предположение, что все это — следы ритуального убийства, совершеного 55 тыс. лет назад¹¹. Но если это и не так, находка все же свидетельствует о некоем религиозно-обрядовом комплексе. В мезолитической пещере Офнет, в Баварии, погребены 33 че-

⁸ La préhistoire française. P., 1976, t. 1, p. 636—639.

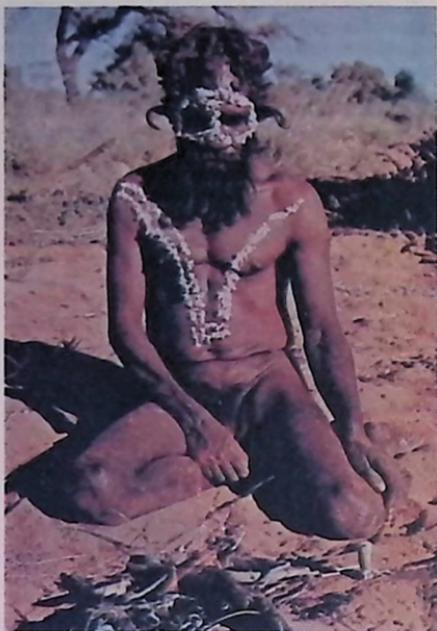
⁹ Bourdier F. Préhistoire de France. P., 1967, p. 222—223.

¹⁰ Rosinski F. M. Belief and cult in human prehistory. — In: The Realm of the Extra-Human. The Hague, 1976, p. 431.

¹¹ Blank A. C. Some evidence for the ideology of early man. — In: Social Life of Early Man. N. Y., 1961, p. 119; Schott L. — Ethnogr.-Archeol. Z., 1979, B. 20, S. 1.

⁶ Strehlow I. G. H. Aranda Traditions. Melbourne, 1947, p. 34—35.

⁷ Lommel D. Die Unambal. Ein Stamm in Nordwest-Australien. Hamburg, 1952, S. 13.

Абориген Австралии, изображающий героя мифического Времени сновидений.

репа, окрашенные охрой; из них двадцать черепов детских. Все черепа ориентированы лицами на запад¹². Таким образом, культ человеческого черепа как обращение человеческой мысли к таинственным свойствам самого человека существовал в Европе уже в среднем палеолите и сохранялся затем на протяжении тысячелетий, а обычаи, при которых отделяются и сохраняются черепа предков, окруженные почитанием, или черепа убитых иноплеменников, были известны еще недавно в Океании, Индонезии, Южной Америке.

Известно, что именно первобытным обществам свойственно наибольшее многообразие погребальных обрядов и форм погребения. Нередко несколько различных форм погребения наблюдается внутри одного племени или даже одной общины. В них отражены общественное положение, пол и возраст умершего, причина и обстоятельства смерти, отражена в них и сама

социальная структура. Эта тенденция заметна уже в характере мустьерских погребений. В некоторых мустьерских погребениях прослеживается намеренно совместное положение погребенных, а в Шанидаре обнаружено захоронение небольшой, возможно, семейной, группы. Наконец, о формировании очень раннего, связанного с погребением обрядово-идеологического комплекса, в котором можно усматривать истоки погребального культа и представлений о жизни после смерти, свидетельствуют такие явления, как преднамеренная ориентация неандертальских захоронений по линии запад—восток, как сочетание скелета неандертальца и челюстей кабана в пещере Шуль и скелета неандертальца и рогов горного козла в Тешик-Таше, как обычай оставлять с погребенными те или иные предметы. Так, в Ле-Мустье голова юноши-неандертальца покоилась на осколках кремня, возможно заготовках орудий, а у его руки лежало каменное рубило. Некоторые авторы, не отрицая фактов преднамеренных захоронений в мустьерскую эпоху, полагают, что они объясняются действием элементарных биологических инстинктов, санитарными соображениями и т. п. Подобные объяснения не кажутся убедительными. Отмеченные факторы едва ли могут заставить выдалбливать скалу (в пещере Киик-Коба), класть тело на бок, подгибать его руки и ноги, окружать его рогами диких животных, осыпать его цветами (в пещере Шанидар), оставлять в могиле каменные орудия, однообразно ориентировать захоронения.

Так на заре человеческой истории зарождающееся общественное сознание обратилось сначала к силам природным, находящимся вне человека, а затем к внутреннему миру самого человека как общественного существа, тесно уязвивая мир внутренний с миром внешним.

Мустьерские погребения свидетельствуют и еще об одном важном сдвиге в общественном сознании — об осознании ценности человеческого существа, прежде всего, конечно, представителя своей общности, об эмоциональной привязанности к нему.

МАГИЯ И ПРОДУЦИРУЮЩИЕ ОБРЯДЫ

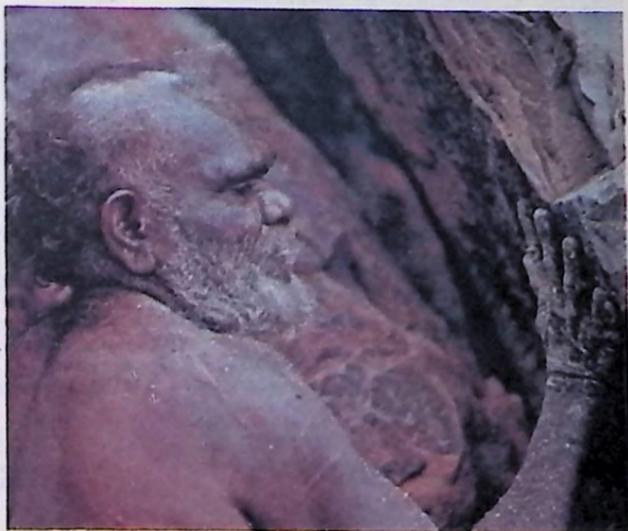
Существует мнение, согласно которому первобытное сознание обращается к религии только тогда, когда происходят или угрожают события, нарушающие

¹² Mollison T.— *Anthropol. Anz.*, 1936, В. 13, S. 79.

Столбы, посвященные памяти умерших [о-в Мелвилл, северная Австралия]. Пластика каждого памятника и символический рисунок на нем говорят о тотеме умершего, его смерти и возрождении.

Обновление краски на изображении мифического предка [Австралия].

Голова быка со сложным лабиринтообразным переплетением линий, изображающих путь животного в мире мертвых. Возможно, рисунок был связан с обрядом возрождения животных. Палеолитическая пещера Альтамира [северная Испания].

привычную последовательность явлений, опасные, стихийные, разрушительные, когда человек не уверен в успехе своих действий, когда исход последних не полностью зависит от его воли¹³. Факты показывают, однако, что люди прибегают к религиозно-магической практике и для того, чтобы утвердить нормальные, обычный порядок вещей. Таковы широко распространенные в первобытном обществе продуцирующие обряды, направленные на сохранение и воспроизводство мира живой природы и самого человеческого рода, причем в мире природы наибольший интерес для первобытного человека представляют объекты охоты и собирательства. В известном смысле люди рассматривают религиозно-магическую деятельность как продолжение хозяйственной деятельности и в то же время как ее предпосылку. Прибегая к продуцирующим обрядам, они стремятся к сохранению естественных ресурсов на их обычном уровне, к поддержанию нормального функционирования сил природы. Многие продуцирующие обряды ориентированы на восстановление нарушенного охотничьей деятельностью равновесия в природе, на возрождение убитых животных. Так, у эскимосов на побережье Берингова моря религиозно-обрядовая деятельность направлена главным образом на поддержание на должном уровне поголовья диких животных — объектов охоты. Самые важные обряды имеют целью вернуть убитых на охоте тюленей обратно в море и этим обеспечить их возвращение к новой жизни¹⁴.

Во всем этом выразилась одна из характерных особенностей первобытного сознания. Объективно первобытный человек бессилен перед стихийными силами природы и общества, его попытки воздействовать на них религиозно-магически имеют призрачный, иллюзорный характер. В конечном счете, из этого бессилия и рождается религиозная практика первобытного человека. Субъективно, однако, первобытный человек верит в свои способности с помощью магии противостоять естественной и социальной среде. Магия в целом и продуцирующие обряды как разновидность магических обрядов играют в религиозной практике первобытного общества важную роль, и объяснить их мож-

но только верой людей в то, что они могут эффективно воздействовать на природу и других людей. В то же время магическая практика и сама способность тому, что люди чувствовали себя увереннее, ощущали себя в большей безопасности. Магические акты, непосредственно направленные на природную и социальную среду и вместе с тем оказывающие воздействие на внутренний, психический мир человека, в силу своей элементарной природы относятся к древнейшим явлениям религиозной деятельности.

Характер и направленность продуцирующих обрядов, как и первобытной магической практики в целом, дают основание полагать, что здесь мы имеем дело с одним из наиболее архаичных явлений культуры, дожившим вплоть до этнографической современности. Поэтому-то так ярко сказывается в них первобытно-синкретическое начало. Здесь и магическое воздействие на природу, и искусство (первобытная драма, музыка, пляска, рисование на телах участников и живопись на стенах пещер), и элементы первобытной философии (раскрытие в обряде определенного систематизированного миропонимания), и педагогика (обряды эти нередко сочетаются с обрядами посвящения молодежи в мир взрослых членов коллектива), и первобытная историография (воспроизведение в наглядной форме деяний предков — мифических и действительных), и экономический аспект. Первобытное общество смотрит на продуцирующие обряды как на мероприятие величайшего значения — ведь от них, как полагают люди, зависит само их существование.

Функция продуцирующих обрядов является в действительности иллюзорно-экономической, так как она преследует достижение экономических целей иллюзорными средствами. Но связь религии с экономикой может быть и более очевидной. Религиозная и хозяйственная деятельность подчиняется каждая собственному ритму, но временами эти ритмы сливаются; на примере эскимосов это показал М. Мосс, а на примере австралийцев мурнгин — Л. Уорнер¹⁵. В обоих случаях религиозные обряды при-

¹³ См., напр.: Токарев С. А. Цит. соч., с. 262—263; Malinowski B. *Magic, Science and Religion*. Boston, 1948, p. 1, 12, 15.

¹⁴ Waal Malefijt A. de. *Religion and Culture*. N. Y., 1968, p. 301—302.

¹⁵ Mauss M. *Essai sur les variations saisonnières des sociétés Eskimos. Étude de morphologie sociale*. — In: *L'Année Sociologique*. P., 1906, t. 9; Warner W. L. *A Black Civilization*. N. Y., 1937.

урочены к определенным периодам хозяйственного года. Так, в период изобилия пищи общины мурнгин собираются в полном составе, к ним присоединяются другие общины и начинаются совместные обряды, а наряду с ними обмен предметами, имеющими большую экономическую и религиозно-обрядовую ценность. Экономическое и религиозное тесно переплетаются. Нередко это ведет к недооценке исследователями экономического аспекта подобных явлений, где экономическое облечено в религиозную форму, но имеет самостоятельное значение. Именно в сфере церемониального или обрядового обмена выпукло выступает экономическая роль религиозных обрядов у охотников и собирателей. Интенсивный обмен материальными, а также духовными ценностями (мифами, песнями, плясками) сопровождал религиозно-обрядовую деятельность многих австралийских племен¹⁶. То же характерно для охотников других континентов.

ТОТЕМЫ, КУЛЬТУРНЫЕ ГЕРОИ, ДЕМИУРГИ

Наряду с продуцирующей и посвященной обрядностью, очень важное место в жизни первобытного общества занимает тотемизм. Он объединяет в себе и религиозно-мифологическое осмысление кровнородственных и иных социальных связей, и ритуально-идеологическое утверждение единства общества и природы, и систематизацию явлений окружающего мира и самого общества. Тотемизм — древнейшая форма осознания социальных отношений, один из важнейших и, видимо, очень рано возникших институтов, организующих общественное и индивидуальное поведение в природной и социальной среде. Понимание тотемизма как явления исключительно религиозного ошибочно; оно является в такой же мере явлением социальным. В то же время он тесно смыкается с другими сферами общественного сознания и является еще одним свидетельством первобытного синкретизма.

Неверно и распространенное объяснение тотемизма как явления, имеющего лишь утилитарную направленность, способствующего главным образом сохранению экономически ценных видов животных и растений. Многие тотемы экономи-

чески бесполезны, не представляют интереса как объекты охоты и собирательства, а некоторые вовсе не являются животными или растениями. Например, у аборигенов северной Австралии родовыми тотемами могут быть ветры, звезды, прилив, гром и т. д. Объяснение таких тотемов как символов социальной идентификации, средств классификации социальных общностей напрашивается само собой. «Тотемизм предполагает логическую эквивалентность между миром естественных видов и миром социальных групп, — пишет К. Леви-Стросс. — Тотем в тотемической системе предстает не как естественный феномен, а как орудие мысли»¹⁷. Но и такое объяснение тотемизма представляется односторонним. Распределение тотемов между различными социальными группами не является лишь попыткой первобытного ума расчленить и логически упорядочить окружающий мир. Тотемизм как явление значительно сложнее и многограннее, чем только способ классификации предметов и явлений природы и соответствующих элементов социальной структуры, ибо он уходит корнями в древние синкретические пласты первобытного общественного сознания. По словам С. А. Токарева, «ключ к решению проблемы тотемизма... не в объекте, а в субъекте тотемического отношения, не в тотеме, а в тотемической родовой группе»¹⁸. Но субъектом тотемических отношений может быть не только род — известны такие формы тотемизма, как фратриальный, секционный, половой, даже индивидуальный тотемизм. Первоначально субъектом этих отношений была, вероятно, родовая община. Тотемы далеко не всегда призваны отличать один род от другого — роды одной половины племени могут иметь общий тотем. Наконец, существует локальный тотемизм, когда принадлежность к тотемической группе определяется по местности, а не по родству — вероятно, одна из древнейших форм тотемизма, идентифицирующая первобытную социальную общность с ее территорией, а явление это имеет глубочайшие исторические корни. Переплетение тотемической идеологии и территориальности, многосторонней связи социальных общностей с территориями их расселения убедительно подтверждается многочисленными фактами.

¹⁷ Levi-Strauss C. *The Savage Mind*. L., 1966, p. 104.

¹⁸ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, с. 66.

¹⁶ Thomson D. F. *Economic Structure and the Ceremonial Exchange Cycle in Arnhem Land*. Melbourne, 1949.

Отметим еще одно характерное явление первобытного сознания, вероятно, не менее архаичное, чем перечисленные. Речь идет о культурных героях, демиургах и других могущественных мифологических существах, носителях творческих, созидательных функций в системе первобытных верований. Образы эти имеют в культурах наиболее отсталых охотников и собирателей широчайшее распространение — мы встречаем их у аборигенов Австралии, семангов, пигмеев Центральной Африки, бушменов и других народов¹⁹ — и при этом обладают рядом универсальных черт. Это свидетельствует о глубокой древности явления. Мыслятся эти герои и демиурги чаще всего как люди, хотя при этом иногда выглядят и ведут себя как зооморфные существа. На ранних стадиях развития, когда человек в своем сознании еще сливался с природой, им была присуща двойственная антропозооморфная сущность. Возможности культурных героев не безграничны; они создают мир из аморфной космической субстанции, которая уже существовала до их появления. Они предстают скорее ремесленниками, формирующими мир из предсуществующей материи, а не творцами в подлинном смысле слова, созидателями сущего из небытия, подобно богам развитых религий.

Здесь мы являемся свидетелями становления образа единого бога-творца во всей сложности и противоречивости этого процесса. Демиурги первобытных религий — исторически наиболее ранняя форма в развитии этой идеи.

Почему же образы культурных героев и демиургов занимают столь значительное место в архаических религиозно-мифологических системах? Очевидно, это объясняется тем, что в них олицетворено созидательное начало пробуждающейся человеческой личности и коллектива, обобщена трудовая деятельность людей эпохи, когда закладывались основы культуры. Чтобы в первобытном общественном сознании смогли формироваться эти образы, люди сами должны были ощутить свои творческие возможности. Почвой, на которой возникли и складывались образы демиургов, была сама созидательная деятельность первобытного человека; даже имена многих из этих существ образованы от слов «делать», «создавать», «творить».

Известно, что образы творцов-демиургов первобытных религий дали повод для конструирования теории первобытного монотеизма, которая состоит в попытке доказать, что мифологические образы небожителей, демиургов и культурных героев, фигурирующие в религиях отсталых народов, — искаженные остатки первоначального представления о едином, всемогущем боге-творце. В действительности они не остатки такого представления, а, напротив, далекие его предтечи. Они появились в общественном сознании не в результате откровения, как полагают сторонники теории прамонотеизма, а в итоге длительного социально- и культурно-исторического развития.

Таким представляется нам наиболее древний религиозно-обрядовый комплекс.

Природное окружение оказывает глубокое воздействие на первобытное сознание. Естественные условия выступают для общества не прямо и непосредственно, их восприятие и воздействие опосредованы человеческой активностью, обусловленной развитием производительных сил. В мировоззрении первобытного общества связь человека с природой занимает важнейшее место. Поэтому и его религиозно-обрядовая система в значительной мере направлена на поддержание оптимальных отношений с природной средой. Эти отношения мыслятся им не как преодоление природы, господство над ней, а скорее как сохранение установленного раз и навсегда порядка вещей. Нерасторжимая связь социальной общности с землей, верований и обрядов с конкретной местностью — одна из наиболее характерных черт первобытного религии. Здесь человек ощущает свою связь с землей и как связь со своим священным прошлым, с предками, с героями мифологии. Без ясного понимания этого явления невозможно до конца понять и современное движение аборигенов Австралии за восстановление своего неотъемлемого права на традиционные, племенные земли. Ведь это движение нередко выражается в требовании вернуть аборигенам их древние тотемические святыща, которые воплощают для них их самобытную культуру во всей ее полноте. В такой, казалось бы, неожиданной для современного общества форме обнаруживается подъем национального самосознания среди тех групп аборигенов Австралии, которым удалось сохранить элементы своей традиционной культуры.

¹⁹ Элькин А. Коренное население Австралии. М., 1952, с. 195—198.